

Сяо Дунся, И.С. Карабулатова, Шехи Эрйола

ЭЙДЖИЗМ-ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СТАРОСТИ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Раскрыт вопрос отражения образа старости в языковом сознании русских, китайцев и албанцев на примерах, извлеченных из фольклора (сказки, пословицы, поговорки) и современного медиадискурса, в которых зафиксированы особенности менталитета и народных традиций в отношении старости. Впервые введен термин «эйджизм-потенциал языка» для определения этнопсихолингвистических стратегий, присущих тому или иному языку, по отношению к возрасту. Акцентируется внимание на существующей стигматизации понятия «старость», существующей в албанской и русской картинах мира из-за влияния западных стереотипов эйджизма, при игнорировании опыта старших поколений, что разрушает целостность духовного мира этноса. Показаны особенности когнитивного противостояния между Востоком и Западом в своем отношении к возрастному поколению, определено, что сохранение преемственности поколений и уважения к старости является одной из скреп витальности и устойчивости восточной цивилизации.

Ключевые слова: эйджизм-потенциал, концепт «старость», Албания, Россия, Китай, Кавказ, этнопсихолингвистика, компаративистика.

Xiao Dongxia, I.S. Karabulatova, Shehi Erjola

AGEISM-THE POTENTIAL OF LANGUAGE AND THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE IMAGE OF OLD AGE IN MULTI-SYSTEM LANGUAGES

The article is devoted to the reflection of the image of old age in the linguistic consciousness of Russians, Chinese and Albanians using examples extracted from folklore (fairy tales, proverbs, sayings) and modern media discourse, which record the peculiarities of mentality and folk traditions in relation to old age. For the first time, the authors introduce the term «ageism-the potential of language» to define ethnopsycholinguistic strategies inherent in a particular language in relation to age. The authors emphasize the existing stigmatization of the concept of «old age» existing in the Albanian and Russian worldviews due to the influence of Western stereotypes of ageism, while ignoring the experience of older generations, which destroys the integrity of the spiritual world of the ethnos. At the same time, the authors show the peculiarities of the cognitive confrontation between East and West in their attitude to the age generation, determining that the preservation of the continuity of generations and respect for old age, which is one of the bonds of vitality and stability of Eastern civilization.

Keywords: ageism-potential, the concept of “old age”, Albania, Russia, China, Caucasus, ethnopsycholinguistics, comparative studies

Несмотря на то, что современный мир стремится удержать как можно дольше молодость, тем не менее старость является закономерным итогом постепенного затухания естественных психофизиоло-

гических процессов в живом организме. Понимание того, что финальным этапом старости является смерть, привело к тому, что во многих культурах сформировалось негативное отношение к старости как

Эйджизм-потенциал языка и языковая репрезентация образа старости
в разносистемных языках**Сяо Дунся**

аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета. Российский университет дружбы народов, Москва. Сфера научных интересов: теория языка (новостной дискурс). Автор 1 опубликованной научной работы.

Электронная почта: radogost2000@mail.ru

Карабулатова Ирина Советовна

доктор филологических наук, профессор, профессор-исследователь кафедры иностранных языков филологического факультета. Российский университет дружбы народов, Москва; эксперт кафедры машинного обучения и цифровой гуманитаристики. Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Москва. Сфера научных интересов: психолингвистика, цифровая гуманитаристика. Автор более 270 опубликованных научных работ.

Электронная почта: radogost2000@mail.ru

Шехи Эрьола

аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета. Российский университет дружбы народов, Москва. Сфера научных интересов: переводоведение, транслитерация, кодификация нормы, новостной дискурс. Автор 3 опубликованных научных работ.

Электронная почта: erjolashehi96@gmail.com

предтечи смерти, поскольку последняя имеет характер социокультурной стигмы во многих странах мира вследствие экспрессивной пропаганды успешной молодости и эйджизма [2]. Однако этот процесс сопровождается обесцениванием опыта предыдущих поколений, который априори объявляется бесполезным в эпоху стремительно развивающихся цифровых технологий и ускоренного ритма жизни, что свидетельствует о разнице в мышлении у представителей доцифрового и цифрового поколений [19]. Наш быстро трансформирующийся мир цифрового формата дает возможность более целостно представлять ту или иную ситуацию благодаря разнообразию оценок информации [18].

Материалами для исследования послужили русские, китайские, албанские, адыгейские пословицы, которые отражают

сложившиеся в конкретной лингвокультуре стереотипы отношения к возрасту человека, а также материалы из русских и китайских СМИ на тему «старости». Это позволяет выйти на понимание универсалий человеческого бытия в аспекте стратегий западной и восточной цивилизаций в отношении выбора стиля и способа жизни. Теоретическая значимость работы заключается в выделении эйджизм-потенциала в разносистемных языках как возможного инструмента трансформации этносоциокультурных установок, представляющих социальную опасность для витальности общества и государства. Мы впервые вводим термин «эйджизм-потенциал языка» в научный оборот для того, чтобы выявить те этносоциокультурные стереотипы относительно возраста, которые постулируются в той или иной лин-

гвокультуре. Практическая значимость обусловлена поиском причин негативного отношения к старости в современном обществе, разработкой механизма противодействия энтропии техногенной цивилизации и сохранения действующей триады «язык – культура – государство». Поэтому мы считаем, что формирование негативного отношения к старости является тоже одним из приемов манипулирования общественным сознанием в ходе современных информационно-когнитивных войн, которые направлены в конечном итоге на уменьшение витальности общества и государства [1], дискредитацию самой жизни [20].

По данным ВОЗ, человек с 60 до 74 лет считается пожилым, с 76 до 90 – старым, а после 90 лет наступает период долголетия. Со старостью приходят ощущение приближения смерти, конца жизни, физическая слабость и утраты социальной значимости, что заставляет разрабатывать различные системы социальной инклюзии, в том числе с использованием опыта этнокультур [5].

Однако в Китае люди в возрасте от 40 до 59 лет считаются людьми средних лет, а те, кто достиг 60 лет и старше, считаются пожилыми, обладающими уникальным опытом, необходимым для успешной реализации молодого поколения. Поэтому в китайской картине мира старый человек особо почитается, ему создаются максимально комфортные условия: «家有一老人, 如有一宝 [Jiā yǒu yī lǎo, rú yǒu yī bǎo] («если есть старый человек в доме, значит, в доме есть драгоценность»)). В противовес этому в русской картине мира старый человек предстает иначе: «старый что малый, а малый что глупый», и поэтому старый человек нуждается в особом отношении. Например: «не смейся над старым – и сам будешь стар».

Для китайской культуры характерно философское понимание старения как некоего знака быстротекущего времени, сравнимого с уносящимися водами реки, с осыпающейся листвой, с улывающими вдаль облаками [9; 11]. Например: «一棵老树的心是半空的, 但老人知道他们的东西 [Yī kē lǎo shù de xīn shì bànkōng de, dàn lǎorén zhīdào tāmen de dōngxi] («Сердце старого дерева наполовину пустое, но старые люди свое дело знают»).

В то же время в народной культуре подчеркивается, что «не годы старят, а горе старит», особый акцент делается на необходимости экологичности мышления на разных этапах жизни. Отсюда такие пословицы, как «и стар, да петух, и молод, да протух»; «сам стар, да душа молода»; «人老心不老 [Rén lǎo xīn bùlǎo] («человек стар, но молодое сердце у него»)). Здесь выделяется необходимость соблюдения позитивного взгляда на жизнь, особенно представителями старшего поколения, потому что неважно, какой возраст у человека, – сердце и дух всегда могут оставаться молодыми. В албанском языке также отражается почтительное отношение к старшему поколению: «у молодых есть сила, у стариков – мудрость». Экологичность албанского отношения к возрасту определяется тем, что албанцы считают так: «Le të zhduket fshati e jo traditat e tij» («пусть лучше село исчезнет, чем его традиции»); «Shtëpia e shqiptarit është shtëpia e Zotit dhe e mysafirit» («дом албанца есть дом Бога и гостя»), – что демонстрирует устойчивость традиции и этнических стереотипов в албанско-средиземноморской культуре [11].

Если в русской культуре старый человек предпочитает стратегию безропотного ожидания смерти и медленного угасания, то в Китае большинство пожилых людей ведут активный образ жизни. В Албании

Эйджизм-потенциал языка и языковая репрезентация образа старости
в разносистемных языках

старшее поколение окружено почетом, что позволяет нам провести параллель с кавказскими традициями уважения к возрасту, если говорить в целом о кавказо-средиземноморской культуре [17]. Например, в адыгейском языке известны такие пословицы, как «там, где нет хороших стариков, там нет и хорошей молодежи», «кто не уважает старших, сам не заслуживает уважения».

Соответственно, обеспечение передачи традиции особо важно для гармоничного развития общества, поэтому само противопоставление образов старости и молодости в разных языках обладает особой эмотивностью, которая передается в виде некоторого общепринятого описания, является главной чертой человеческой эмотивности. Эмотивность текстов о молодости и старости, как правило, относится к двум типам: положительному и отрицательному. В качестве «нуля» используется понятие нейтрального текста, не содержа-

щего психоэмоциональной окраски.

Сама дихотомия «молодость – старость» (см. Рисунок 1) построена на использовании эйджизм-потенциала языка, отражающего архетипические воззрения на возраст в русской, кавказо-балканской, китайской народных картинах мира, при этом дискурс СМИ не только эксплуатирует эти стереотипы, но и трансформирует их под влиянием «внутреннего» или «внешнего» социального заказчика. Те СМИ, которые управляются «внешним» социальным заказчиком, в российском правовом поле обозначены как иноагенты, или агенты внешнего влияния. Такая градация обусловлена тем, что в зависимости от источника финансирования и социального заказа идет отбор как информационных поводов, так и языковых средств и иных лингвориторических стратегий для отражения той или иной темы.

Например: «К домам для престарелых в России обычно относятся осторожно,

Рисунок 1. Соотношение признаков дихотомии «молодость – старость» в медиадискурсах

а на Кавказе с его уважением к старшим отдать отца или мать “чужим” – это вообще почти преступление. Как правило, кавказские старики проводят свои последние дни среди многочисленных детей, внуков и невесток. Но бывает, что за ними некому ухаживать, и люди живут одни, в запертой квартире» («Это Кавказ»); «Либеральные экономисты продолжают гнуть о том, что в Китае нет пенсий, а материальное содержание пожилых людей является делом личной совести их взрослых детей и внуков. Фактически сегодня по крайней мере от 200 до 300 миллионов китайцев получают пенсию по старости от государства <...>. Конфуцианская традиция всегда считала помощь родителям, бабушкам и дедушкам главной добродетелью человека и строгим долгом. “Иди спать голодным – и накорми старейших в своем доме”. Китайская цивилизация – это тотальный культ предков, беспрекословное почитание старших членов семьи. Настоящая религия со своим ритуалом, обязательными поминаниями и жертвоприношениями» («Свободная пресса»).

В связи с тем, что старость во многих странах является социальной стигмой, тексты о старости также могут содержать идеологемы [3], либо усиливающие негативное отношение к старости, характерное для западной цивилизации, либо акцентирующие внимание на жизнеспасающих стратегиях восточной цивилизации.

Зачастую СМИ актуализируют забытый образ одинокой старости и/или старости в социальной изоляции, который имел место в отдельных русских народных и литературных сказках, закладывая в раннем детстве в сознании отрицательное отношение к старости, поэтому многие русские старики, не желая быть обузой, делают осознанный выбор в сторону смерти. Например, в русскоязычной прессе: «А поскольку на вопрос, который сегодня задает корреспондент пожилым людям, не хотят

ли они дожить свою жизнь среди сверстников в доме престарелых, все отвечают: “Лучше умереть!”...» («Махпарк»). Несколько иначе в китайской прессе: «Для китайцев табель о рангах и почитание старших священны. Главный редактор, неоднократно отмеченный начальством за безупречный труд, после 60-летия на наши деньги получает пенсию в размере около 100 тысяч рублей в месяц» («Свободная пресса»). Современный массмедийный российский дискурс о возрасте продвигает западную мысль о старости как некоей болезни организма, которая мифологизируется за счет того, что старость предваряет смерть, а в архетипической картине мира болезнь также предшествует смерти [6]. Таким образом, эйджизм-потенциал языка использует механизм реинтерпретации, раздвигая, расширяя границы пространства возраста в сторону усиления негативных черт восприятия старости.

Обреченность ожидания смерти подчеркивается и в таких сказках, как «Снегурочка», «Серебряное копытце», «Каменный цветок», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Как стариков в дремучий лес отвозили», «Мудрый старик» и так далее. В языческий период на Руси от старых людей было принято избавляться – их уводили в лес без возможности возвращения домой, при этом зачастую применяя насильственную смерть там же, в лесу, для облегчения участи. Как отголосок такого отношения в русском языке сохранилось выражение «посадить на санки/салазки» (старого и/или больного человека привязывали к саням, чтоб исключить возможность возвращения человека назад).

Избавление от лишних забот путем насильственного увода в лес еще в недавнее время встречалось в русских деревнях, когда старого пса или кота завязывали в мешок и также уносили в лес, где бросали. Такое отношение к старикам диктовалось как практическими соображениями (из-

Эйджизм-потенциал языка и языковая репрезентация образа старости
в разносистемных языках

бавление от лишнего рта в голодную зиму; старый человек бесполезен в хозяйстве), так и из религиозных побуждений (ритуал жертвоприношения богам). Этот обычай отражен в поморской сказке «Как стариков в дремучий лес отвозили» [12]. Фабула сказки довольно проста: отец взял сына с собой, чтобы отвезти дедушку на погребальных санях в лес; отвезли, оставили под елкой, но сын потащил сани обратно. Тогда отец спросил сына: «Зачем?». В ответ он услышал, что в будущем сын увезет на этих санях отца и мать. Осознание собственного поступка пристыдило отца, и он решил привезти деда обратно домой. Мораль такова: всех старых людей следует уважать и содержать дома до самой смерти.

Для китайской культуры традиционный культ предков является незыблемым, отсюда идет дискурс уважения к старшим, актуальный как для Древнего Китая, так и для современного китайского социума. Культ предков (в котором почитаются как пожилое поколение, так и прародители, правители и так далее) считается одним из главных пластов фундамента китайской культуры. Так, сыновняя почтительность – это основополагающее понятие в конфуцианстве, отразившееся в китайской картине мира. Такое понятие появилось в силу рассмотрения императора как «народного родителя», и сыновняя почтительность отражала как уважение детей к родителям, так и уважение народа к императору. Это сохранено в конфуцианском понятии «孝» [xiào] («сыновнее благочестие»), согласно которому любой житель Поднебесной обязан почитать, любить и защищать старшее поколение, поскольку нарушение поколенческой преемственности считается цивилизационной катастрофой, влекущей за собой гибель народа.

Китайская цивилизация уже пережила спад культуры почитания старших в эпоху Чуныцю, так называемый период

Осеней и Вёсен (722–481 годы до н.э.), когда была возникла поговорка «他父亲尊敬的儿子是他的君主不可靠的臣民» [Tā fùqīn zūnjìng de érzi shì tā de jūnzǔ bù kěkào de chénmín] («почтительный сын своего отца – ненадёжный подданный своего государя») [9]. Считается, что благодаря Конфуцию удалось изменить это негативное отношение в позитивное, что стало национальной идеологической доктриной Китая на многие века. В своем трактате «Лунь Юй» Конфуций несколько раз приводит разные варианты толкования сыновнего благочестия, закрепляя поведенческую доминанту в сторону почитания предков, уводя от кланового значения в сферу семейных отношений. При этом мы наблюдаем параллели с народными традициями почитания старших в кавказских культурах [10].

Мы полагаем, что российская и западная культуры переживают кризис поколенческих взаимоотношений, отсюда, по утверждению Ю.В. Сорокопуд и О.А. Матвеевой, формируется у детей и подростков повышенная тревожность [14], что может негативно отразиться на существовании человечества в целом, поскольку чревато потерей ценностных ориентиров в обществе, быстрым прожиганием жизни в контексте доминирования потребленческой парадигмы и ускорением энтропийных процессов, ведущих к исчезновению государств и народов [19].

Вместе с тем мы обнаруживаем параллели по отношению к молодости и старости в кавказской и китайской культуре, что косвенно подтверждает гипотезу А.С. Старостина о существовании сино-кавказской макросемьи [15], поскольку отношение к старости также занимает одно из центральных мест в культуре народов Северного Кавказа [16]. Вместе с тем архетипы, запечатанные в пословицах, обнаруживают социointегративный потенциал тради-

ционной педагогики и народной философии жизни [10]. Некоторые параллели исследователи обнаруживают и в сербской культуре [13], что позволяет расширить ареал сино-кавказского влияния.

Поскольку медийная культура с ее новой информацией о приоритетах в жизни оказывает большое влияние на молодых людей, в Китае была разработана и стала внедряться новая стратегия в контексте позитивного отношения к старости в рамках программы «Социального рейтинга». Так, время, которое молодые люди тратят по уходу за старыми людьми, фиксируется в специальном мобильном приложении, и эти часы, потраченные на уход, молодые люди получают впоследствии уже от тех, кто будет ухаживать за ними в их старости.

Позитивное отношение к старикам позволяет им чувствовать себя защищенными и окруженными вниманием и заботой. В то же время такая стратегия продвигается и на уровне понимания витальности сложных компьютерных программ и механизмов. Например, различные поколения процессора «Pentium» в китайской культуре обозначаются с использованием обозначений периодов жизни человека: 奔二 [bēn èr] (20 лет), 奔三 [bēn sān] (30 лет), 奔四 [bēn sì] (40 лет) [9]. Нельзя не согласиться с Е.В. Добровольской, что, несмотря на активное продвижение в обучении нейросетей как искусственного интеллекта, лингвисты стоят перед сложной задачей уточнения и детализации когнитивных механизмов естественного интеллекта человека для того, чтобы понять типологию концептуальных структур [4].

Итак, Россия и Китай представляют собой две непохожие цивилизации. Образ старости, закрепленный в общественном сознании, диктует замкнутый образ жизни пожилых людей в России, что наиболее характерно для российской провинции. По-

жилые люди, живущие в отдаленных районах, всю жизнь ничего не делают, и они должны заботиться о своих детях и проводить свою жизнь молча. При этом в Москве реализуется программа «Золотой возраст» для улучшения качества жизни лиц пожилого возраста, пенсионеров и инвалидов, включения их в социальную активность. Этот образ жизни людей старшего поколения в российских мегаполисах находит свои параллели со стратегией активной старости, которая присуща китайскому социуму, благодаря чему пожилые люди в Китае более активны в принятии старости, уделяя больше внимания социальной активности и здоровому образу жизни.

В данном исследовании мы рассмотрели текущее состояние восприятия дихотомии «молодость – старость» носителями таких разнотемных языков, как адыгейский, албанский, русский и китайский, что определяет будущие тенденции в быстро развивающейся области компьютерной эмотивологии в контексте определения социальных опасностей. Сегодня мы чувствуем необходимость обнаружить потенциальные этнокультурные детерминанты в выборе регуляции эмоций. Восприятие старости и молодости регулируется целым спектром эмоций, которые имеют динамический характер в зависимости от возрастных характеристик социальной страты.

Несомненно, та или иная этнолингвокультура задает направление в эмоциональной оценке факта, события, явления, объекта, субъекта. И возраст не является исключением. Однако доказательная база требует подтверждения на разном лингвистическом материале, чтобы продемонстрировать универсальность и этносоциокультурную специфику факторов, влияющих на выбор той или иной психоэмоциональной оценки в отношении восприятия возраста.

Эйджизм-потенциал языка и языковая репрезентация образа старости
в разносистемных языках

Литература

1. Барсуков П.В., Карабулатова И.С., Некрасов С.В. Трансформация социального поведения в контексте современных политических кризисов начала XXI в. как результат этнополитического дискурса «сетевых войн» // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки М.; Уфа; Ростов-н/Д.: ИСПИ РАН; УГНТУ. 2015. Т.3. С. 60–70.
2. Бурнаева К.А. Концепт «Старость» во фразеологической системе русского и английского языков // Вестник Сургутск. гос. пед. ун-та. 2011. № 4. С. 66–71.
3. Горемыкина О.И. Идиологема как средство языковой интерпретации политических процессов в СМИ // Вестник РОСНОУ. 2020. № 3. С. 67–72.
4. Добровольская Е.В. О типах концептов в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях // Вестник РОСНОУ. 2020. № 1. С. 69–75.
5. Карабулатова И.С., Ким Л.И., Галиуллина С.Д. Особенности интеграционных инклюзий в социально-психолого-медицинской реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте работы обществ национальной культуры // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. М.; Уфа; Ростов-н/Д.: ИСПИ РАН, УГНТУ. 2015. Т. 3. С. 158–162.
6. Карабулатова И.С., Шехи Э. Влияние имен собственных на трансформацию архетипических представлений о коронавирусе в современной мифологизированной картине мира // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. № 4 (267). С. 54–61.
7. Кудряшова Ю.С. Концепт «старость» в русском и английском лингвосоциумах (на материале паремиологических единиц) // Огарёв-Online. 2018. № 7 (112).
8. Листраткина К.А. Репрезентация концепта «Старость» в паремиологическом фонде русского и английского языков // Известия ВГПУ. 2012. № 8.
9. Люй Вэнтин. Специфика репрезентации концепта «возраст» в китайской языковой картине мира // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск: СГТ. 2018. С. 32–33.
10. Ляушева С., Нехай В., Хунагов Р., Шхачемукова Б. Социоинтегративный потенциал традиционной адыгской культуры как фактор преодоления межэтнической напряженности на Кавказе в условиях глобализации // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 3. С. 123–132.
11. Меликова К.А. Отношение к пожилым людям в средневековой Европе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-pozhilym-lyudyam-v-srednevekovoy-evrope> (дата обращения: 31.08.2021).
12. Мосеев И.И. Поморьска говора: краткий словарь поморского языка. Архангельск: Правда Севера, 2006. 372 с.
13. Секулич А.Т. Программа этнолингвориторического исследования фольклорных дискурс-практик русского, сербского и английского языков // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 2 (277). С. 72–77.
14. Сорокопуд Ю.В., Матвеева О.А. Влияние семейного воспитания на подростковую тревожность // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 2 (87). С. 66–68.
15. Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. 924 с. ISBN 5-9551-0186-1.

16. Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Антропология смерти народов Северного Кавказа. Нальчик: КБГУ им. Х.М. Бербекова, 2019. Ч. 1. 94 с.
17. Ханаху Р.А. Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2004. 514 с. ISBN 5-7992-0215-5.
18. Bart de Bruijn, Gjergji Filipi, Majlinda Nesturi, Emira Galanxh. (2015) Population Ageing: Situation of Elderly People in Albania // Edirected Gjergji Filipi. URL: http://www.instat.gov.al/media/3550/population_ageing_situation_of_elderly_people_in_albania.pdf
19. Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S. (2021). Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. No 14 (10). Pp. 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836
20. Lin Y., Karabulatova I.S., Shirobokov A.N., Bakhus A.O., Lobanova E.N. (2021). Cognitive distortions in the reflection of civic identity in China: on the material of Russian-language media of East and Western // Amazonia Investiga. No 10 (44). Pp. 115–125. URL: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.44.08.11>

References

1. Barsukov P.V., Karabulatova I.S., Nekrasov S.V. (2015) Transformaciya social'nogo povedeniya v kontekste sovremennyx politicheskix krizisov nachala XXI v. kak rezul'tat etnopoliticheskogo diskursa «setevy'x vojn» [Transformation of social behavior in the context of modern political crises at the beginning of the XXI century as a result of the ethnopolitical discourse of “network wars”]. *Socio-economic and humanitarian-philosophical problems of modern science*. Moscow: Ufa: Rostov-on-Don: ISPI RAS; USPTU. Vol. 3. Pp. 60–70. (In Russian).
2. Burnaeva K.A. (2011) Koncept «Starost'» vo frazeologicheskoy sisteme russkogo i anglijskogo yazy'kov [Concept “Old age” in the phraseological system of Russian and English languages]. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. No. 4. Pp. 66–71. (In Russian).
3. Goremykina O.I. (2020) Idiologema kak sredstvo yazy'kovoj interpretacii politicheskix processov v SMI [Idiologema as a means of linguistic interpretation of political processes in the media]. *Bulletin of Russian New University*. No. 3. Pp. 67–72. (In Russian).
4. Dobrovolskaya E.V. (2020) O tipax konceptov v kognitivny'x i lingvokul'turologicheskix issledovaniyax [On the types of concepts in cognitive and linguoculturological studies]. *Bulletin of Russian New University*. No. 1. Pp. 69–75. (In Russian).
5. Karabulatova I.S., Kim L.I., Galiullina S.D. (2015) Osobennosti integracionny'x inklyuzij v social'no-psixologo-medicinskoj reabilitacii licz s ogranichenny'mi vozmozhnostyami zdorov'ya v kontekste raboty' obshhestv nacional'noj kul'tury' [Features of integration inclusions in social, psychological and medical rehabilitation of persons with disabilities in the context of the work of societies of national culture]. *Socio-economic and humanitarian-philosophical problems of modern science*. Moscow; Ufa; Rostov-on-Don: ISPI RAS, USNTU. Vol. 3. Pp. 158–162. (In Russian).
6. Karabulatova I.S., Shehi E. (2020) Vliyanie imen sobstvenny'x na transformaciyu arxetipicheskix predstavlenij o koronaviruse v sovremennoj mifologizirovannoj kartine mira [Influence of proper names on the transformation of archetypal ideas about coronavirus in the modern mythologized picture of the world]. *Bulletin of the Adyghe State University*. Series Philology and Art Criticism. No 4 (267). Pp. 54–61. (In Russian).
7. Kudryashova Y.S. (2018) Koncept «starost'» v russkom i anglijskom lingvosociumax (na materiale paremiologicheskix edinicz) [The concept of “old age” in Russian and English linguistic societies (based on paremiological units)]. *Ogarev-Online*. No 7 (112). (In Russian).

Эйджизм-потенциал языка и языковая репрезентация образа старости
в разносистемных языках

8. Listratkina K.A. (2012) *Reprezentaciya koncepta «Starost`» v paremiologicheskom fonde russkogo i anglijskogo yazy`kov* [Representation of the concept “Old age” in the paremiological fund of Russian and English languages]. *Izvestia VSPU*. No. 8. (In Russian).
9. Lu Wengting (2018) *Specifika reprezentacii koncepta «vozzrast» v kitajskoj yazy`kovoju kartine mira* [The specificity of the representation of the concept “age” in the Chinese linguistic picture of the world]. *Actual problems of linguistics and literary criticism*. Tomsk: СТТ. Pp. 32–33. (In Russian).
10. Lyausheva S., Nekhai V., Khunagov R., Shkhachemukova B. (2016) *Sociointegrativny`j potencial tradicionnoj ady`gskoj kul`tury` kak faktor preodoleniya mezhe`tnicheskoj napryazhennosti na Kavkaze v usloviyax globalizacii* [Sociointegrative potential of traditional Adyghe culture as a factor in overcoming interethnic tension in the Caucasus in the context of globalization]. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 19. No 3. Pp. 123–132. (In Russian).
11. Melikova K.A. (2016) *Otnoshenie k pozhily`m lyudyam v srednevekovoj Evrope* [Attitude towards the elderly in medieval Europe]. *Locus: people, society, culture, meanings*. No. 4. (In Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-pozhilym-lyudyam-v-srednevekovoy-evrope> (date of access: 31.08.2021).
12. Moseev I.I. (2006) *Pomor`ska govorya: kratkij slovar` pomorskogo yazy`ka* [Pomorska speaking: a short dictionary of the Pomor language]. Arkhangel'sk: The truth of the North. 372 p. (In Russian).
13. Sekulich A.T. (2021) *Programma e`tnolingvitoricheskogo issledovaniya fol`klorny`x diskurs-praktik russkogo, serbskogo i anglijskogo yazy`kov* [Program of ethnolinguistic research of folklore discourse practices of Russian, Serbian and English languages]. *Bulletin of the Adyghe State University*. Ser. 2: Philology and art history. No 2 (277). Pp. 72–77. (In Russian).
14. Sorokopud Y.V., Matveeva O.A. (2021) *Vliyanie semejnogo vospitaniya na podrostkovuyu trevozhnost`* [Influence of family education on adolescent anxiety]. *World of science, culture and education*. No 2 (87). Pp. 66–68. (In Russian).
15. Starostin S.A. (2007) *Trudy` po yazy`koznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow: Languages of Slavic cultures. 924 p. (In Russian). ISBN 5-9551-0186-1.
16. Tekueva M.A., Nalchikova E.A. (2019) *Antropologiya smerti narodov Severnogo Kavkaza* [Anthropology of death of the peoples of the North Caucasus]. Nalchik: Kabardino-Balkar State University named after H. M. Berbekov. Part 1. 94 p. (In Russian).
17. Khanakhu R.A. (2004) *Mir kul`tury` ady`gov (problemy` e`voljucii i celostnosti)* [The world of culture of the Adyghes (problems of evolution and integrity)]. Maykop: Adyghea. 514 p. (In Russian). ISBN 5-7992-0215-5.
18. Bart de Bruijn, Gjergji Filipi, Majlinda Nesturi, Emira Galanxh. (2015) *Population Ageing: Situation of Elderly People in Albania // Edirected Gjergji Filipi*. URL: http://www.instat.gov.al/media/3550/population_ageing_situation_of_elderly_people_in_albania.pdf
19. Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S. (2021). *Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge?* *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. No 14 (10). Pp. 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836
20. Lin Y., Karabulatova I.S., Shirobovov A.N., Bakhus A.O., Lobanova E.N. (2021). *Cognitive distortions in the reflection of civic identity in China: on the material of Russian-language media of East and Western // Amazonia Investiga*. No 10 (44). Pp. 115–125. URL: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.44.08.11>